

**ДЕНЬГИ КАК ДЕТАЛЬ-СИМВОЛ В РОМАНЕ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

Н.А. Кладова

Ключевые слова: Достоевский, роман, Преступление и наказание, деньги, духовно-нравственные ценности, художественная деталь.

Keywords: F. Dostoyevsky, novel, *Crime and punishment*, money, moral values, artistic detail.

DOI 10.14258/filichel(2018)2-02

Художественный мир романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», на наш взгляд, вмещает в себя два плана бытия: первый – созданный теорией Раскольникова, отражающий «модное безверие», которым заражено общество; второй – истинный, мыслимый идеально, но мерцающий в существующей действительности. Именно этому второму миру постоянно «проигрывает» разум Раскольникова. В проекции на мировоззренческий язык: первый план – это зло, творимое волей человека, оно – неонтологично, поэтому ведет к забвению онтологического статуса мира (ибо «помутилось сердце человеческое»); и «тысяча добрых дел», подразумеваемых раскольниковской теорией, – не истинно добрые дела, искаженное в своей сути добро; второй план – онтологически безгрешный мир, абсолютное добро. Два хронотопа «Преступления и наказания» отражают и две ипостаси духовного бытия (истинная и «перевернутая» духовные реальности). Пространство художественного мира произведения – это пространство духовное, наложенное на пространство реальной действительности. Сопряжение двух планов бытия происходит преимущественно через образы-символы и художественные детали-символы. В литературоведении довольно подробно проанализированы основные детали (солнце, лестница, перекресток, духота как ключевая особенность пейзажа, числовой символизм) [Хоц, 1994; Топоров, 1973; Касаткина, 2003; Касаткина, 2004; Тороп, 1993; Вересаев, 1999; Карасев, 1994; Белов, 1979; Ветловская, 2002; Дмитриевская, 2013; Бутова, 2001; Карпачева, 2013 и др.]. Нам представляется необходимым уделить особое внимание художественной детали *деньги*, играющей важную роль в выражении идеи романа.

Деньги оказываются атрибутом и мира ложного, и мира истинного. Те, которые взяты Раскольниковым у старухи, несомненно, репрезентируют дьявольскую ипостась бытия¹. Однако 25 рублей, присланные сыну Пульхерией Александровной, 3 000 рублей, оставленные Марфой Петровной по завещанию Дуне, деньги, отданные Свидригайловым Соне и положенные им на счет детям Мармеладовым, деньги за перевод текста, которыми Разумихин делился с Раскольниковым, давая ему работу, наконец, деньги, которыми сам Раскольников помогал Мармеладовым (дважды), пьяной девочке, – это чистые деньги милосердия и доброты. В целом в романе после получения (Раскольниковым) или попытки получения (Дуней путем замужества) «неправедных» денег следует получение денег праведных (25 рублей Раскольникову, 3 000 рублей, а также предлагаемые Свидригайловым 10 000 рублей Дуне). Однако если «ошибка» Дуни исправима, «ошибка» Раскольникова – нет, поэтому примечательно то, что, когда Разумихин начинает излагать семье Раскольниковых проект своего предприятия, которое принесет доход (праведные деньги), Раскольников уходит. Кроме того, от денег сострадания, помощи Родион сам отказывается, что повторяется по-библейски трижды: когда возвращает Разумихину аванс за перевод, когда бросает двугривенный – подаяние купчихи, когда говорит: «Не надо... денег...» (Достоевский, 1973а, с. 94)², присланных матерью. Трехкратный отказ от помощи подчеркивает его состояние отъединенности от людей.

Убийством Раскольников именно отъединил себя от мира, а не спас мир. *«Мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения вдруг сознательно сказались душе его»* (Достоевский, 1973а, с. 81). Раскольников не только не может принять добро, проявляемое по отношению к нему (так как чувствует, что недостойно), но и устраняет (как бы помимо своей воли) того, кто ему добро делал. Так, когда в каморке Разумихин и Зосимов говорят об убийстве, вдруг

¹ В.Е. Ветловская видит в сюжете романа проявление трансформированного фольклорного мотива о превращении в прах богатства, полученного с помощью нечистой силы: «Поманив мечтой быстрого и легкого достатка, черт обратил в ничто, в совершенный хлам тот “капитал”, который Раскольников добывал с такой мукой»; «Черт не просто обобрал героя до бахромы и нитки. Он ограбил его более капитально, отняв жизнь, не имевшую в глазах Раскольникова до поры до времени особой цены, а потом обернувшуюся величайшим богатством даже на “аршине пространства”» [Ветловская, 1997, с. 123].

² Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на источники: Достоевский Ф.М. а) Полн. собр. соч.: В 30-и тт. Л., 1973. Т. 6.; Достоевский Ф.М. б) Полн. собр. соч.: В 30-и тт. Л., 1973. Т. 7.

встревает Настасья, заключая свое пояснение Раскольникову неслучайной фразой:

«– Лизавету-то тоже убили! – брякнула вдруг Настасья, обращаясь к Раскольникову. <...>

– Лизавету? – пробормотал Раскольников едва слышным голосом.

– А Лизавету, торговку-то, аль не знаешь? Она сюда вниз ходила. Еще тебе рубаху чинила» (Достоевский, 1973а, с. 105).

В черновиках романа в реплике Настасьи особо подчеркивается то, что рубаху чинила именно Лизавета, а не она. «Ты думал, чинила-то я! Я тонкой иглой шить не умею. Ишь в пяти местах заплат наставила, – бормотала она, перебирая рубаху, – уж у тебя и рубаха-то, ишь ведь! Еще десять копеек с тебя за чинку следовало, да ты и доселева не отдал...» (Достоевский, 1973б, с. 64). Таким подробным рассказом Настасьи, а также последующим ее сообщением о том, что Лизавета жила с лекарем, при этом «она ему и белье стирала. Тоже ничего не давал» (Достоевский, 1973б, с. 71), подчеркивается идея бескорыстного добра со стороны Лизаветы (бескорыстие акцентируется и в исправлении словосочетания «мало платил» на «ничего не давал»). В окончательном же варианте Достоевскому важно усилить в первую очередь мысль об отвержении добра Раскольниковым, более того, попрании его жестоким преступлением, именно поэтому, полагаем, писатель убирает в романе подробное описание добрых, бескорыстных дел Лизаветы.

Раскольников, живя в своей «перевернутой» реальности, постоянно совершает в действительной реальности *нелогичные* поступки. Например, его искреннее добро для одних оборачивается жестокостью для других. Он не хочет принимать деньги от матери и сестры, потому что знает, как тяжело эти деньги достаются его самым родным людям, но с легкостью отдает *эти самые (!)* деньги Мармеладовым, создавая таким образом ситуацию, когда мать и сестра высокой ценой добывают деньги для чужих. Помогая одним, Раскольников жертвует другими, самыми близкими, которые его за это, конечно, не осуждают, но ведь он сам еще недавно бунтовал против тех мучений, которыми даются родным эти деньги. Раскольников самолично отмеряет каждому его долю милосердия. Однако в самые кризисные ситуации он помочь не может (судьбу Мармеладовых устроит Свидригайлов, Дуне по завещанию оставит деньги Марфа Петровна) (см.: [Степанян, 2005, с. 309]).

Когда Раскольников первый раз оказался у Мармеладовых, он сунул руку в карман, «загреб сколько пришлось медных денег (как

потом он подсчитал, 47 или 50 копеек. – Н.К.), доставшихся ему с разменянного в распивочной рубля, и неприметно положил на окошко» (Достоевский, 1973а, с. 25). Он *разменивал* рубль, покупая стакан пива, который, образно выражаясь, вернул его к бесчеловечной идее: после выпитого стакана он счел свое отвращение к преступлению, которое испытал после своей *пробы*, «просто физическим расстройством». Но ведь примерно половину рубля он *разменял* на бескорыстное добро, и дает надежду на восстановление духовности в главном герое. Однако разум его активно сопротивляется делам сердца, не хочет принимать сердечные порывы. Проявляя милосердие, Раскольников одергивает себя: а нужно ли его проявлять? При этом рассудком герой акт своей доброты расценивает гордо и надменно, мысля себя неким провидением, без денег которого (47-50 копеек!) Мармеладовы останутся «на бобах». Однако автор уже в самом начале романа дает нам понять, что сам Родион – на бобах без денег Пульхерии Александровны и Дуни, а они посылают ему не полрубля, а шестьдесят (год назад) и тридцать пять рублей! При этом делают это абсолютно без себялюбивых мыслей. Таким образом, первое подаяние, сделанное Раскольниковым, имеет оборотную сторону, так как ложно утверждает *дающего* в ранге *могущего* спасти мир, при этом сознанием героя игнорируется тот факт, что он сам находится в роли *берущего* (у матери и сестры!), а не *дающего* (и дает-то он из того, что берет).

Далее в романе Раскольников снова подает, проникаясь состраданием к поруганной девочке. И снова в голову героя приходит мысль о том, что незачем помогать. Раскольникову нужно, чтобы все, в том числе дела милосердия, имели логическое, разумное обоснование, коэффициент полезности. Потом он будет пересчитывать, сколько потратил на каждый акт доброты, не понимая, что добро не имеет количественного измерения и намного дороже своего денежного эквивалента. Однако в злобе на бесполезность совершенного им добра относительно его теории герой осознает один важный пункт, который встает перед ним неразрешимым противоречием:

«*Двадцать копеек мои унес, – злобно проговорил Раскольников, оставшись один. – Ну пусть и с того тоже возьмет да и отпустит с ним девочку, тем и кончится... И чего я ввязался тут помогать! Ну мне ль помогать? Имею ль я право помогать? Да пусть их переглодают друг друга живьем – мне-то чего? И как я смел отдать эти двадцать копеек. Разве они мои!*» (Достоевский, 1973а,

с. 42). Это внутреннее противоречие главный герой еще не в состоянии понять. Но он не случайно именно сейчас вспоминает о Разумихине. Его друг – тот, кто «право помогать» имеет. Хотя разум Раскольников активно сопротивляется этой мысли: *«Действительно, я у Разумихина недавно еще хотел было работы просить, чтоб он мне или уроки достал, или что-нибудь... – додумывался Раскольников, – но чем теперь-то он мне может помочь? Положим, уроки достанет, положим, даже последнюю копейкой поделится, если есть у него копейка, так что можно даже и сапоги купить, и костюм поправить, чтобы на уроки ходить... гм... Ну, а дальше? На пятаки-то что ж я сделаю? Мне разве того теперь надобно? Право, смешно, что я пошел к Разумихину...»* (Достоевский, 1973а, с. 44). Заметим, *пятаками* (Достоевский будет использовать именно это слово) главный герой и потом совершит не один акт доброты, а его последнее подаяние пятаком имеет особый смысл, на который укажем ниже. Не желая быть в роли *берущего*, Раскольников решает: *«К Разумихину я пойду, это конечно... но – не теперь... Я к нему... на другой день, после того пойду, когда уже то будет кончено и когда все по-новому пойдет...»* (Достоевский, 1973а, с. 44-45), то есть когда у него будет сила и власть, материальная независимость, когда он станет *дающим* своему приятелю (только давать он планирует снова то, что отберет у других). Раскольников действительно придет к Разумихину, но придет просить те же копейки, которые подавал сам (он, *право имеющий* перераспределять по справедливости богатства земные!). И придет *после* того, как спрячет награбленное под камень. Последовательность этих двух эпизодов (*хоронение*¹ – буквально *похороны* – преступных денег и приход к Разумихину с прошением дать возможность заработать деньги праведные) символична: нечистые деньги не дают жизни. Проявляя милосердие к другим, главный герой не может принять милосердие по отношению к себе (предложенную Разумихиным помощь возвращает) – и по гордости, и по ощущению, что недостойн (после совершения *того*), а главное, по злобе на то, что деньги, которыми хотел спасти мир, оказались бесполезными. И в этом заключался теперь для Раскольникова «главный пункт». Закон человечности, представший в виде *неожиданного* для него вопроса: *«Если действительно все это дело сделано было сознательно, а не по-дурацки, если у тебя действительно была определенная и твердая*

---

¹ Реплика Раскольникова: «Схоронены концы!» (Достоевский, 1973а, с. 86).

цель, то каким же образом ты до сих пор даже и не заглянул в кошелек и не знаешь, что тебе досталось, из-за чего все муки принял и на такое подлое, гадкое, низкое дело сознательно шел? Да ведь ты в воду его хотел сейчас бросить, кошелек-то, вместе со всеми вещами, которых ты тоже еще не выдал... Это как же?» (Достоевский, 1973а, с. 86), – ставит его разум в тупик. Раскольников идет к Разумихину в момент самого кризисного осмысления себя, духовного тупика, когда назад пути нет (преступление не исправишь) и вперед – нет, так как неожиданно оказалось невозможным взять награбленное.

Следующий эпизод после посещения Разумихина – ситуация зеркального отражения на самом Раскольникове его действий по отношению к другим. Через несколько мгновений после того, как его хлестнул кнутом по спине кучер, пожилая купчиха подала ему двугривенный. Одинакова даже денежная мера помощи – двадцать копеек (те же двадцать отдал Раскольников на помощь пьяной девочке). Одинакова причина – отзывчивость на беду (на бедность Мармеладовых и несчастье пьяной девочки со стороны Раскольникова, на удар кнутом со стороны прохожей купчихи). Подаяние Раскольников получает со словами: «Прими, батюшка, ради Христа» (Достоевский, 1973а, с. 89). *Ради Христа* он и не способен принять, то есть не способен согласиться с основным христианским законом, на котором держится мир. Герой выстраивает субординацию между собой и миром: он – вершитель справедливости, дающий, но не принимающий (действительно, не Наполеону же копейки брать!). Дает-то он из искреннего чувства сострадания, но почему-то не позволяет такое же искреннее сострадание проявлять по отношению к себе. Это «ради Христа» показывает разницу в подаянии Раскольникова и Раскольникову. Серафим Саровский писал о том, что *добро ради Христа* (искренне ради Христа) ведет к стяжанию Духа Божия: «Добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатью Духа Святого» [Саровский, 2006, с. 22]. Раскольников *не ради Христа* подает; кроме того, даже полагает, что делает нелепость («самому надо»).

Родион второй раз (после отказа от помощи, предложенной Разумихиным) отвергает помощь, бросая двугривенный в воду. Кроме двух основных причин этого действия, прямо противоположных (чувство наполеоновского ранга и недостойности принять после *того*), существует еще одна. Раскольников озлоблен

на мир и не может простить миру существующее в нем добро: ведь такое простое бескорыстное добро, милосердие даже от незнакомых людей (не только от приятеля) разрушает его убедительную логику о ненормальности миропорядка, не укладывается в рамки его теории о «материале», с которым поступают по своему произволу избранные личности.

Когда Родион приходит в себя после беспамятства, то есть когда начинается для него процесс осознания своего места и роли в мире после *переступания* черты, Разумихин покупает ему новое белье¹. С этой покупки будет «сорок пять копеек сдачи, медными пятаками» (Достоевский, 1973а, с. 102). Пятаки впоследствии Раскольников потратит не на себя (все сорок пять копеек, то есть девять *пятаков* – Достоевский особенно настаивает на этом слове: один пятак – уличной певице, три – женщине, просящей на выпивку, четыре (20 коп.) – в качестве чаевых оставит в трактире, один подаст нищей на Сенной). Остальные деньги, оставшиеся от тридцати пяти рублей, присланных матерью, он отдаст Мармеладовым. И во всех этих случаях уже не будет одергивать себя вопросом «зачем помогать?» и не будет любоваться мыслью «на бобах останутся без моих денег»². Кроме того, три случая подаяния (уличной певице, женщине, просящей на выпивку, человеку в трактире в качестве чаевых) совершены героем не из острого чувства сострадания (как было в эпизодах с Мармеладовыми и пьяной девочкой). Данные проявления доброты совсем необязательны *со стороны* Раскольникова, но они обязательны, остро необходимы, *для* Раскольникова, потому что дают почувствовать ему то, что он еще живет, что еще не умер для этого мира, даруют ему чувство связанности с людьми. Подаяния вырывают героя из небытия, в которое погружает его собственная теория.

Последний случай подаяния со стороны Раскольникова (пятак нищей на Сенной) является зеркальной параллелью к эпизоду с купчихой, которая дала ему двугривенный, после чего он, зайдя на мост, бросил монету вниз. Теперь Родион, сойдя с моста, монету «возвращает», метафорически восстанавливая связь с человеческим

---

¹ Слова Дуни о Разумихине «Он воскресил уже брата» (Достоевский, 1973а, с. 154) являются смысловой рифмой к данному эпизоду.

² В первой редакции романа Пульхерия Александровна присылает Раскольникову десять рублей. Реплика Разумихина – «я беру сии десять рублей» – исправляется: «я беру из твоих тридцати рублей» (Достоевский, 1973б, с. 55); то есть Достоевскому, кроме десяти рублей на новую одежду, понадобилось еще двадцать пять, которые становятся важной художественной деталью, показывающей острую потребность Раскольникова через подаяние другим помочь *себе самому* вернуться в действительную жизнь.

обществом – однако не полностью, потому что формально: он дал меньше, нежели дали ему, духовно: он не раскаялся, не признав еще неправоту своего преступления.

Деньги в художественном мире Достоевского являются не принадлежностью финансовой сферы, не экономической мерой жизни, но мерой *человечности* в человеческом обществе. В начале романа Мармеладов поясняет Раскольникову, что значит «испрашивать денег взаймы безнадежно»: *«Вот Вы знаете, например, заранее и досконально, что сей человек, сей благонамереннейший и наимолезнейший гражданин, ни за что Вам денег не даст, ибо зачем, спрошу я, он даст? Ведь он знает же, что я не отдам. Из сострадания? Но господин Лебезятников, следящий за новыми мыслями, объяснял намедни, что сострадание в наше время даже наукой воспрещено и что так уже делается в Англии, где политическая экономия»* (Достоевский, 1973а, с. 14). К Соне Мармеладов идет *не безнадежно* – не потому, что она дала, а потому, что из сострадания (*«Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела... Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не укоряют!»*) (Достоевский, 1973а, с. 20)). Этот эпизод сопрягается с эпизодом прихода Раскольникова к Соне, ибо он тоже идет к ней потому, что «некуда больше идти», и потому, что *не безнадежно*. Только здесь проблема нищеты материальной перерастает в проблему нищеты духовной. Сам Раскольников и не знает, что идет из безнадежности за духовной помощью. На непонимание Раскольникова: если безнадежно, «для чего же ходить» (Достоевский, 1973а, с. 14) – Мармеладов поясняет: *«ведь надобно же, чтоб у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели!»* (Достоевский, 1973а, с. 15). Пожалеть – значит проявить небезразличие к человеку, стать со-участником его судьбы. Раскольников не может допустить со-участия другого в своей судьбе, потому что не чувствует себя *частью* единого человечества, он – над «тварями дрожащими» (по крайней мере, очень хочется ему быть *над*). Ведь ощущая себя *частью* человечества, невозможно убить. Именно поэтому за преступление Раскольникова страдание на себя берет другой – Миколка. Сюжетная линия этого героя содержит важный эпизод посещения им распивочной, который является смысловой параллелью к эпизоду посещения Раскольниковым распивочной в начале романа. Оба *разменивают* рубль, покупая пиво (Раскольников у Мармеладовых достает из кармана деньги, «доставшиеся ему с *разменянного* в распивочной *рубля*») (Достоевский, 1973а, с. 25), Миколай получив билетик (*рубль*) за

найденные серьги, «его тотчас *разменял*» (Достоевский, 1973а, с. 106)). Полагаем, здесь мы имеем дело с аллюзией на народное поверье о неразменном рубле [Сахаров, 1841, с. 55]. Созданный народной мудростью сюжет о неразменном рубле – универсальный закон человеческого существования, ибо отдавая другим, приобретаешь сам, более того, тебе возвращается в многократном количестве. Для Раскольникова рубль не стал еще неразменным, потому что часть его потрачена на пиво, вернувшее героя к бесчеловечной идее; часть, правда, на добрые дела (помощь Мармеладовым первый раз, поруганной девочке), однако Родион не готов еще принимать возвращающееся к нему добро, увеличенное, при этом, в несколько раз (помощь Разумихина, подавание купчихи – это в количественном измерении намного больше, нежели подал Раскольников). Миколка, по всей видимости, весь рубль потратил на себя (на выпивку). Не зная того, он тратил дьявольский, преступный рубль. Бесплезную трату должно искупить вдвойне – он и искупает, беря на себя чужую вину в тот момент, когда вынужден признаться настоящим преступником. Рубль Миколки становится неразменным с точки зрения духовной. Таким образом, поверье о неразменном рубле в романной структуре репрезентирует глубокий философский смысл: пока добро возвращается добром, а зло искупается, не может умереть мир.

После разговора Разумихина и Зосимова о Миколке в каморку Раскольникова входит Лужин. Это, полагаем, не случайно. Ведь смысл истории о неразменном рубле явно противостоит лужинской теории о «целом кафтане». *«Если мне, например, до сих пор говорили: “возлюби”, и я возлюблял, то что из того выходило? – продолжал Петр Петрович, может быть с излишнею поспешностью, – выходило то, что я рвал кафтан пополам, делился с ближним, и оба мы оставались наполовину голы <...>. Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел. Экономическая же правда прибавляет, что чем более в обществе устроенных частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело»* (Достоевский, 1973а, с. 116). Кафтан, в отличие от добра («частных, единичных щедрот»), не имеет свойства возвращаться, умножаясь, когда его отдаешь. Теория «о кафтане» терпит поражение и в следующем эпизоде (упоминавшейся нами реплике Настасьи). Лизавета чинит «кафтан» (то есть рубаху) Раскольникова, не получая

плату за это (в черновиках к роману данная мысль звучит отчетливее), то есть она, забирая *не целый*, возвращает *целый*. «Кафтан» становится *целее* благодаря бескорыстному добру – безапелляционное опровержение лужинской теории.

Далее в подтексте романа снова будет явлена легенда о неразменном рубле. По дороге к Порфирию Раскольников объясняет Разумихину: *«Впрочем, я ведь не выкупить теперь вещи иду, – подхватил он с какою-то торопливою и особенною заботой о вещах, – ведь у меня опять всего только рубль серебром... из-за этого вчерашнего проклятого бреда!..»* (Достоевский, 1973а, с. 188-189). В начале романа у него также был один рубль, с него он начинает совершать добрые дела, именно поэтому после того, как он отдал *все* (и то, что появилось после первого рубля), – у него остался тот же рубль. Это *все* в тексте не раз подчеркивается. Слова Раскольникова: *«Я вчера все деньги, которые вы мне прислали, отдал... его жене... на похороны»* (Достоевский, 1973а, с. 174). Потом это повторяет Соня, увидев каморку Раскольникова: *«Вы нам все вчера отдали!»* (Достоевский, 1973а, с. 183). Разумихин эмоционально расценивает поступок Раскольникова: *«Последние деньги на похороны вдове отдал! Ну, захотел помочь – дай пятнадцать, дай двадцать, ну да хоть три целковых себе оставь, а то все двадцать пять так и отвалил!»* (Достоевский, 1973а, с. 195). Заметим, из присланных тридцати пяти рублей только 9,55 ушли на новую одежду (при этом их тратил Разумихин, а не Раскольников), остальные Раскольников действительно потратил не на себя. Именно поэтому рубль оказался *неразменным*. С этим неразменным рублем он идет к Порфирию, то есть туда, где должно произойти признание, которое даст возможность со-единения с миром, где рубль должен стать неразменным в духовном смысле. И *только в случае*, если признание состоится, рубль останется неразменным. Символично размышление Раскольникова: *«Лизавета! Соня! Бедные, кроткие, с глазами кроткими... Милые!.. Зачем они не плачут? Зачем они не стонут?.. Они все отдают... глядят кротко и тихо... Соня, Соня! Тихая Соня!..»* (Достоевский, 1973а, с. 212). Местоимение *все* (*все*) по отношению к Родиону замещало существительное *деньги*; по отношению к Соне и Лизавете семантическое поле этого местоимения намного шире, так как охватывает и сферу духовную (даже в большей мере, нежели финансовую). Вот это *все* и нужно обрести Раскольникову, чтобы отдавать, не теряя... но приумножая добро в мире. Показательно то, что за свою статью о делении людей на «избранных» и «материал» Раскольников *не получил денег*, так как не знал вообще о публикации

статьи (метафорически выражаясь, рубль не вернулся к нему за несправедный поступок).

Таким образом, для Раскольникова главной проблемой, препятствующей осуществлять дело спасения человечества, было отсутствие денег. Герой их легко заполучил, однако на протяжении всего романа он ими ни разу не воспользовался. Деньги же «чистые», бывшие у него и потраченные им на добрые дела, к нему возвратились, умножившись во много раз. Кроме того, рубль, который был у Раскольникова в начале романа, стал *неразменным* не только в материальном, но и духовном смысле. Однажды обретенное чувство со-причастности человеческому целому *разменять* невозможно.

Литература

Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. Л., 1979.

Бурова Ю.В. Библейские образы в романах Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» // Интеграция образования. 2001. № 1.

Вересаев В.В. Живая жизнь: О Достоевском. О Льве Толстом. О Ницше. М., 1999.

Ветловская В.Е. Анализ эпического произведения. Логика положений («Тот свет» в «Преступлении и наказании») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1997. Т. 14.

Дмитриевская Л.Н. Пейзаж в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» как возможная аллюзия на «Божественную комедию» Данте // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 1 (76).

Карасев Л.В. О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. № 10.

Карпачева Т.С. Мотив «одинадцатого часа» в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2013. № 1 (10).

Касаткина Т.А. Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // «Вопросы литературы». 2003. №1.

Касаткина Т.А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2004.

О стяжании Духа Святого. Беседы и наставления Серафима Саровского. М., 2006.

Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб., 1841. Т. 1. Кн. 2.

Степанян К.А. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. М., 2005.

Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления // Structure of Texts and Semiotics of Culture. Paris, 1973.

Тороп П.Х. Перевоплощение персонажей в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» // Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в литературной науке XX века. Ижевск, 1993.

Хоц А.Н. Структурные особенности в прозе Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11.

Список источников

Достоевский Ф.М. а) Полн. собр. соч.: В 30-и тт. Л., 1973. Т. 6.
Достоевский Ф.М. б) Полн. собр. соч.: В 30-и тт. Л., 1973. Т. 7.

ИЗ ИСТОРИИ ЗНАКОМСТВА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЧИТАТЕЛЯ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)
С РАБОТАМИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Н.А. Грищенко

Ключевые слова: библиография переводов, Ф. Уишоу, К. Гарнетт, русская культура, эпистолярная проза, критические статьи.

Keywords: bibliography of the translated novels, F. Wishaw, C. Garnett, Russian culture, epistolary prose, critical articles.

DOI 10.14258/filichel(2018)2-03

Знакомство английского читателя (не владеющего русским языком) с творчеством Ф.М. Достоевского берет начало в 1880-х годах, когда впервые на английский язык были переведены некоторые из его работ: Мари фон Тило (Marie v. Thilo: Записки из мертвого дома, 1881), Фредерик Уишоу (F. Wishaw: Преступление и наказание, 1886; Село Степанчиково и его обитатели, 1887; Игрок, 1887; Униженные и оскорбленные, 1886; Идиот, 1887; Дядюшкин сон, 1888; Вечный муж, 1888), Х.С. Эдвардс (H.S. Edwards: Записки из мертвого дома, 1888), Л. Милман (L. Milman: Бедные люди, 1894). Лишь по прошествии более 30 лет со дня выхода первого переводного издания М. Бэринг, известный британский славист, напишет о признании русского автора в англоязычном мире следующим образом: «Ф.М. Достоевский – отличительный знак британской интеллигенции» (*Dostoyevsky is one of the shibboleths of our intelligentsia*)¹ [Baring, 1915, с. 214]. Далее, в 1916 году исследователь творчества Ф.М. Достоевского Дж.М. Марри скажет о том, что работы Достоевского читаемы и почитаемы в британском обществе, а влияние русского писателя на английскую

¹ Здесь и далее перевод автора. – Н.Г.